

памятниках («Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника) открыто используется и самая фразеология переводных «слов» и «поучений», смело соединяемая с деловой речью у Мономаха и с «мирскими притчами» у автора «Слова» Даниила Заточника. В дальнейшем для своих человековедческих экскурсов русские писатели реже пользуются прямыми цитатами переводных произведений, вырабатывая свою манеру изложения наблюдений над поведением людей, которое определяется их «помыслами» и «страстями». Изложение то клонится к риторике, как у митрополита Даниила, то смело вводит живой русский язык, к которому часто прибегает автор «Беседы отца с сыном о женской злобе». Прямые цитаты теперь употребляются для подтверждения авторских мыслей авторитетом священного писания — Библии или византийских святоотеческих сочинений.

Весь этот опыт изображения человека в переводной и русской дидактической литературе необходимо учитывать, характеризуя принципиально новый подход к теме «человек» в литературе исторической — первой четверти XVII в., и демократической — второй половины века.

* * *

Суммируя наблюдения над способом изображения исторического героя в исторических произведениях начала XVII в., Д. С. Лихачев пишет: «Впервые, следовательно, в русской литературе применительно к историческим деятелям был поднят вопрос о факторах, вызывающих появление тех или иных черт в человеческом характере. Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье, поколеблена. Автора уже не смущает изменчивость характеров, как не смущают и контрасты в них» (Человек в литературе, стр. 17). «Человек по природе своей ни абсолютно добр, ни абсолютно зол. Беспорочных людей нет» (стр. 20). Исследователь прав, когда он утверждает, что в историческом повествовании все эти черты были новшеством, поколебавшим сложившийся веками метод изображения исторических деятелей; справедливо и объясняется это «новое отношение к человеческому характеру» «общим накоплением общественного опыта и отходом от теологической точки зрения на человека» (стр. 22).

Однако категоричность формулировки «вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье» (стр. 17) воспринимается как непропорциональная. Действительно ли, хотя бы в пределах известного нам материала, можно утверждать, что в XI—XVI вв. русский читатель находил во всех видах литературы лишь суждения о «вневременной и абсолютной сущности человеческого характера»? Обратимся к учительным жанрам.

Ряд поучений и извлеченных из них афоризмов со всей четкостью и определенностью говорят о том, что «по естеству», т. е. от природы, человек не бывает ни только добр, ни только зол: он становится таким «по обычаю», в результате складывающихся привычек. Выработанные навыки оказываются прочнее врожденных черт характера — «обычай предложивши крепльши есть естества» (Пчела, стр. 341; см. выше, стр. 38). В каждом человеке есть и доброе, и злое. «Къто же е без греха, разве един бог» — это изречение выписал уже составитель Изборника 1076 г., и дожило оно до записи Даля в виде пословицы: «Един бог без греха». Учительная литература наставляла, как бороться с этим злым, греховным началом самому человеку. Св. Василий ставит в заслугу человеку, если он, имея возможность дурно поступить, удержит себя от